

* * *

разбирали кладовку,
плакали.
успокоились, посмеялись.

книги в стопках, халатик с маками,
швы на клетчатом одеяле.
бытовая археология —
слой за слоем, судьба за судьбами,
мчались месяцы легконогие,
в жизнь слагались: а вместе будем ли?
погремушками и заколками
память полнится.
кружки с тиграми,
на пелёнках — цыплята жёлтые,
ткань мой папа для внука выкроил,
ими прошлое с нами спаяно,
не пожитки уже — свидетели.
рядом с вещным — неосвязаемо
что-то хрупкое, беспредметное.

* * *

мы стены шкурили наждачкой, и пыль ложилась
серебром.
схватила доску неудачно, поранив руку о ребро.
пускай саднит, так легче, легче, и я жива —
пока болит.
здесь банка краски, стол увечный — всё остальное
увезли.
а ты запомни нас такими — как насмерть
ссорились тогда,
мы влюблены, мы молодые, я понарошечно седа.

* * *

проём квадратом небо обрамил,
края обрезав у бескрайней глади.
скучает кот, в окно веранды глядя,
мы для него — аквариум с людьми.
и кружится немного голова,
всё кажется придуманным и странным:
вишнёвый кофе, пахнувший кальяном,
рифмованные лёгкие слова,
витражное старинное стекло.
и по привычке в сумке ищем, ищем
ключи от неуютного жилища,
что к краю нас едва не подвело.
в преддверии, на грани, накануне,
здесь — сад и свет, черёмуха и вьюн,
но мы не знали, что нас ждёт в июне,
и мы не знали, будет ли июнь.

* * *

Прости меня, подруже, исповедай —
я согрешила именем твоим.
Плывёт полынный дух земли нагретой,
цикады стон серебряный звенит
в пороге заговоренной иголкой,
и плачет дочь степного маниту,
которая кричала: «волки! волки!» —
кровавую сырую темноту
с руки кормила, даже не заметив,
как тоже стала волк.

Приходит тьма.
Змеится волглый морок,
обесцветит
живую ложь клубящийся туман.

* * *

звёзды из тёмных нор щерятся зло и сыто,
щурится слепо ночь проблескам габаритным
нашего корабля.
светятся, meine liebe?
каждый из мрака взгляд к нам приближает гибель.
болью моей омыт, чёрный и безголосый,
там, в амальгаме тьмы, зеркалом стынет космос.
млечную муть стекла пробует тихим стуком.
жмурясь, мурлычет мгла, ластится убаюкать.
в смерти ли, в жизни ли, главное — полетели
вечность вдвоём делить в ржавчине колыбели,
мёртвым огнём мерцать ведьминых наперстянок.
и тетивой Стрельца путь в никуда протянут.

* * *

уездный город, тихая контора.
за старыми истёртыми дверьми —
скрипучий пол и стены коридора.
подкрашены оттенками сурьмы
по плинтусам, и муть извёстки сверху,
засиженная мухами вразлёт.
придёшь на камеральную проверку,
томишься тут, пока не повезёт.
болото будней пыльного архива:
в нём секретарь, мешая крепкий чай,
зевает вдруг, протяжно и тоскливо,
мазнув на декларацию печать
«сдано». утробным скрипом вторил
шкафчик,
и тополь за окошком облетел,
и сдавленно в приёмной кто-то кашлял,
и женщины смеялись вдалеке,
и серые тесёмки распустила
захватанная папка на столе.

когда поблёлкли синие чернила
в закатном свете, город опустел.
и дремлет бесприсутственное место,
темнеет, выцветая, кабинет.
из чувства раздражённого протеста
на цыпочках с бутылкой каберне
крадёмся в канцелярию с подругой
келейно с разговором вечера.
пусть щурится охранник близоруко
в засаленную жёлтую тетрадь,
мы отрицаем здешней безнадёги
тоску и ряску. Выпили винца —
и распорядок отпускает строгий.
мы молоды, мы вправе отрицать.

но — новый день, и снова картотека,
счета и счёты, вечный чёрный чай,
неотменимо тянется извека
глухого понедельника печаль.

* * *

Отделение патологии.

Иззябшие, голоногие.

На стенах запреты — нельзя-нельзя,
приказ министерства пятнадцать бис,

Всяк заходящий сюда — боись.

Усталая врач говорит:

Сальпингит, тонус, опять лейкоциты повышены,

Я бы вас всех из больницы вышибла,

Старородящие доходяги,

кто же вас стерпит, Господь всеблагий.

В ночнушках порванных, бесстыдно распахнутых,

Дыша контрабандным табачным запахом,

Соседки страшат новеньких

чисткой без обезболивания:

Рогатое кресло ледяные-рукояти

Из кабинета глядит внимательно.

Кто каши не ест, молока не пьёт,

того ночью сестра за собой увезёт,

С каталки скинет, давай не стони,
а с мужем не больно спать?
Это тебе, дорогая, не спа,
Это карательная гинекология.

Ну, не сохранили, не боги мы.
Санитарочка Вера над шваброй бормочет:

«И-и-их,

Женская доля тяжкая, терпите, мои хорошие».

Расходятся после выписки палаточные попутчицы.

Кому — за-вторым-приходите, кому —

в-другой-раз-получится.

Кто — с выписной парадной,

Кто — с чёрного входа украдкой.

И шепчешь, и шепчешь:

Прости,

Прости,

Не всем семенам дано прорасти,

Пусть время на мукомольне

Размелет в пылинки зёрна,

Отмолит сорокоутом.

Но, Боже мой, как же больно.

Но, Боже мой, как же пусто.

* * *

и всё гладила, гладила, как зверька, я зелёную
чашку для молока.
лето дразнит запахом шашлыка из столовой
за поворотом.
не жалеть, бросая, ненужный хлам, эвересты
старого барахла,
раздарю задаром, друзьям отдам, в понедельник
заедет кто-то,
будет спать, обедать и обживать, заправлять
небрежно мою кровать,
и любить, и верить, и горевать, и курить с моего
балкона,
и дружить с соседкой по этажу.
мне без куртки холодно, я дрожу, я жалею, помню
и дорожу,
скотчем клею края картона.
я была привязана — рвётся нить, а края
срастутся — не тронь, ни-ни,

подытожу — Боже, меня храни от внезапного
переезда,
я такое снова переживать не хочу ни разу,
едва-едва
в этот раз справляюсь, пока трезва, но по-детски
внутри — нечестно!
ты на съёмной — пасынок, не родной, только
так хотелось к себе домой,
заливает чёрной глухой тоской, но отпустит.
и невесомо
нарастёт тенётами память вновь, и побеги пустит,
и даст вино
из незрелых ягод,
глядясь в окно
нечужого чужого дома.

* * *

Добро пожаловать в Сайлент-Хилл, здесь живут все те, кто тебя не любил, это страна невыученных уроков, невыполненных зарок, перед носом захлопнутых дверей и окон, сочувственных взглядов, незакрытых гештальтов, слов «не в тебе, а во мне» и «прости, очень жаль, но», чёрных списков, разорванных фотографий, ну бывает порой — не свезло, не потрафило, паутин сетевого безнадежного сталкинга, сюда — своими ногами, отсюда — на катафалке нам, это бесплодные земли, содрогнись и внемли — это необитаемый остров, безлюдный космос.

(вот и меня завертело, по земле протащило, но почему-то окончательно не добило, и зачем я только тебя...?)

а за ней глушь и пустошь, зола и лёд, выжженный саман, потрескавшаяся глина, ядом дышат трейлеры варщиков амфетамина, только я по

пустыне упрямо, тупо, непобедимо шагаю, шагаю,
шагаю вперёд, туда, где, собственно, никто
и не ждёт.

это даже не крик о помощи, это странная немота,
ну что же сделать, если вечно не та, не та, и я
колким сухим песком давлюсь, ну какая же всё-
таки гадость и гнусь эта ваша вечная, слепая
и невзаимная, и вроде бы знаешь, уже и чёрт
бы с ним, но последний давний задам вопрос:
я теперь какой-то обезголосевший алконост,
обескрылевший алкозависимый экспонат для
кунсткамер, в зверинцах пою за донат, скачанный
в аппсторе помощник сирин, а ты? раньше был
шикарен, богемен, надмирен, высокомерен,
брезглив, разборчив, и куда всё делось, продалось
за мерч? и разменяла жизнь серебро на листья,
на фантомы, фантики, конфетти.

где истина?

в том, что мы никогда больше не больше не
ни в прокуренных залах дешёвых кафе,
ни на улице, ни в равнодушной толпе,
ни в прохладе больничных окрашенных стен,
ни у ржавых ворот в наш с тобой неверленд,
так что просто будь счастлив и благословен.

* * *

где там мой стол с раскрасками, сундук со
сказками, шкатулка с секретами,

городок в табакерке, вдохновения чёртовы
чертоги, на квадраты расчерченный богом ли,
долгом ли догвилль?

тающий стон, бессильное отчаяние, где строк
бескрылая стая мается, где там мои потерянные
песни, одна другой краше, страшней и чудесней?

крышка тяжёлая из малахита плотно, надёжно,
навек закрыта, жжёт изумрудно, нагретая
солнцем, ногти ломает и не поддаётся, что там

под ней?

белый пар, туман, морок, обман, ледяной дурман,
там опьяняющее безмыслие, небытие, всё давно
исчислено, взвешено и — ничего не найдено,
пальцы кусает слепая гадина, зубки давай же
в меня вонзи болью звенящей,

l'anesthésie,

жаркий ток крови гасит белой всевластной
краской, не ощущаться — счастье, холод змеит
запястья, лидокаинит насмерть.

всё у небес божьей искры молить — и не
вымолить, сколько таких молчунов, разве мало их?

вот так молчали-молчали — да онемели,
в вязнущей сладкой густой карамели кто-то
подранил, поймал, обездвигил и дышит в спину,
всё ближе, ближе.

ох несвободы моей метафора, капает время
тягучей камфорой, стынет янтарная канифоль, ты
меня больше давай не неволь —

вот завтра умри я, что останется за плечом?
полночная сантерия и лютая тьма и немочь,
дурная мифологема, проклятье, несчастье,
порча — и мучайся, плачь и корчись,

но боль окатает жизнью, безжалостной, странной,
лживой, всю — в гладкие самоцветы, кармином
и бересклетом,

на нежных моих рубинах, прозрачных камнях
малиновых, потом настоится сангрия, шнапс
чище, чем слёзы ангела, —

был точен рецепт аптекаря, багровая, очень
крепкая,
и так забирает зло,
и ало чужая словь —
обломки моих историй,
экстракт из огня и горя.

* * *

I

Вползает мрак семи часов утра —
Январская звенящая отравы,
До крошки жар домашний обобрав,
Под кожу.
Слепо, голодно, шершаво
Лицо ощупал холод, не смотрю,
Как мотыльком дворовый снежный ангел
В грязи крылами бьётся.
Неуют
Оглаживает с бархатной изнанки
Души зальдевший кокон.
Стылый взгляд,
Завязший в сахарине чых-то окон,
Погреть бы о стеклярусы гирлянд,
Но дверью скрипнул «пазик» кривобокий
И потащил меня сквозь сумрак и огни.
В стекле колодцы улиц холодели.
Проснулся город тюрем и больниц,

Казарм, промзон, складов и богаделен.
И серые заборы спецчастей —
Идиллия рождественских открыток.
Ложится на грунтованном холсте
Асфальта пылью и силикальцитом
Глубинки неизбывная печаль,

Бараки и погосты — побратимы.
И плесневеет мир, кровотока
иллюзией,
что время
обратимо.

II

Но время жадно пожирает нас,
И человек по сути хронотрофен.
Он ищет путь, безвыходность признав,
В обход неотвратимой катастрофы.
Скользит песок истраченных минут —
Под пальцами осыпавшийся берег.
И мнится — кану в тьму и глубину,
Не удержавшись, сил не соразмерив.

Кто поддаётся — и уходит в грязь
И рыску лет, в замшевшее посмертье,
Кто борется, кичась и молодясь,
А кто сдаётся, воскресая в детях.

Но неумолчно щёлкает отсчёт
Обратный равнодушным метрономом,
Ты плачь — не плачь — не спрячет, не спасёт
Никто. И я себя не сберегла.
Одна дорога нам —

с крыльца роддома
до стали секционного стола.

* * *

Непролазная топь и грязь, полдень облачен
и лубочен,
Страшных сказок сорочья вязь заколдует
и заморочит.
Заповедный сосновый бор в изумрудных
объятых стиснул
Обезлесевший островок усть-таёжного
смерть-сибирска.

Легкокрылая стая снов, поговорок и суеверий
Разлетается из-под ног, воют в чаще утробно
звери.
Седовласый угрюмый лунь в окна тёмные жадно
смотрит,
Не боится икон в углу. Потревожит совиный
окрик
Немудрёный крестьянский быт. Шагу вторя
тоскливым скрипом,